

ЗЕМНОЙ РАЙ

1

В числе знакомых Нади было, между прочим, семейство Печкиных. С этим семейством Надя познакомилась, во-первых, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругой ее детства, а во-вторых, потому, что сваха, уже начавшая свои посещения, отозвалась о Печкиных почти с благоговением.

– Пройди ты всю подвселенную, нигде ты этого рая земного не сыщешь!... – говорила она Наде: – Софья-то Васильевна – вот как ты же сирота, еще голей тебя была, а теперь глядь-кось!... Ровно принцесса живет... Да что ей)

Ни о чем заботушки нету, живет за мужем, ровно за каменной горой, даром что за не очень-то молодого выскочила...

В словах свахи скрывалась тайная цель сосредоточить внимание Нади на пожилом телеграфисте с рыжими волосами и с полупольским выговором. Но Надю главным образом интересовало видеть подругу, с которой она не видалась с тех пор, когда еще маленькими девочками они катались на санках, и которая теперь живет в земном раю; да и скука, требовавшая чего-нибудь нового, кроме бормотаний Михаила Иваныча о грабежах, тоже в достаточной степени помогала скорейшему посещению земного рая. Михаил Иваныч, знавший Печкина как посетителя трифоновской лавки, взялся ее проводить туда.

Узенький переулок, где был рай, приветствовал наших путников, помимо пустынности и тишины летнего полдня, длинными заборами, тянувшимися по одной стороне его, и несколькими домами, смотревшими в эти заборы с другой стороны; наглухо захлопнутые и мертво молчаливые ворота дома Печкиных, с своей стороны, прибавили некоторую дозу тяжести к тому тяжелому впечатлению, которое производил переулок. Но скука Нади, жаждавшая какого-нибудь исхода, сумела перетолковать эту смерть, носившуюся по переулку и веявшую от ворот, в смысле плотной ограды, окружающей более спокойную, нежели ее, жизнь.

Помощью веревки, протянутой через забор к колокольчику, из недр рая были извлечены предварительно несколько собак, оскаленные, захлебывающиеся рыла которых внезапно появились в десятках не замеченных до сих пор дыр:

в заборах, в подворотнях, на вершине заборов и проч. Стараниями Михаила Иваныча и кухарки, отворившей ворота, полчища, охранявшие райские двери, были разогнаны.

– Дома барыня? – спросила Надя кухарку.
– Где им быть... Стал-быть, дома...
– Что она делает?
– Что ей делать? Почивают, поди, либо так...
– Делать ей нечего, обнаковенно! – подбавил Михаил Иваныч.
– Обнаковенно! – согласилась кухарка: – Делов у них нету никаких. Чего ей еще?

Говоря так, она между тем с большими усилиями отнимала от двери сеней довольно толстую палку, которою двери эти были приперты, и когда палка была брошена на землю, кухарка прибавила:

– Ишь вогнал как, насилушки одолела...
– Кто это? – сделав шаг в сени, не могла не спросить Надя.
– Да это наш... барин!... – улыбаясь, отвечала кухарка. – Бережет ее... чтоб не было ей беспокойства..., Тоже боится, не ушла бы!..
– Как не ушла?

– Да так ему взбрело: не ушла бы, мол!... А куды ей уйти-то?... Коли бы у нее дело... а то... куды ей?... Ей и так некуда... Никакой заботы нету, ровно царица...

Михаил Иваныч не упустил случая поддакнуть при словах кухарки "кабы дело". Но Надя сначала посмотрела на них на обоих и, словно задумавшись, тихо пошла вдоль пустынных сеней. Шаги ее сделались еще тише, как будто даже боязливее, когда тяжелая дверь, обитая войлоком, ввела ее в переднюю, в которой, кроме темноты, со всех сторон пахнул на нее спертый, тяжелый воздух с запахом сырой гнили. Наде хотелось кашлянуть. Но тишина остановила ее от этого. Та же тишина и тот же воздух преследовали ее в двух-трех комнатах, по которым она шла вслед за кухаркой и где декорация рая состояла из продавленных стульев, пыли на пошатнувшихся столах, зеркала с какимто рисунком вверху рамы, картин, вроде схимника,